

**Слова о молитве Ефрема Сирина
святитель Иннокентий, архиепископ
Херсонский и Таврический**

Слово в среду недели 1-й Великого поста

«Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалаия и празднословия не даждь ми!

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения, и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков!»

Не без особенной причины, братие мои, молитва сия так усвоена Святому и Великому посту, что многократно повторяется на каждом богослужении. Без сомнения, это сделано Святой Церковью потому, что, при всей краткости сей молитвы, в ней сокрыто великое богатство святых мыслей и чувств, и весьма ясно изображены наши нужды духовные. Посему мы поступим сообразно намерению Святой Церкви и нашей духовной пользе, если обратим сию молитву в предмет наших собеседований, и рассмотрим порознь каждое прошение, в ней заключающееся. Таким образом откроется пред нами целый ряд святых добродетелей, коими должно украшать свою душу каждому, и явится целое темное полчище грехов и пороков, от коих надобно беречь свое сердце.

И без напоминания, вероятно, известно многим, что это молитва святого Ефрема Сирина. В дополнение к сему скажем, что святой Ефрем принадлежит к числу величайших подвижников благочестия, кои украшали собою древнюю Церковь христианскую. Человек он был по плоти, но ангел по духу и совершенствам. От самых юных лет святой Ефрем оставил мир и вселился в пустыню, где долговременное пребывание, без наставников, соделало его учителем Востока и светилом вселенныя. Самым любимым предметом и созерцаний и поучений Ефремовых было покаяние. Церковь Сирская, к коей принадлежал он по месту обитания, имела в нем все – и учителя веры, и обличителя нравов, и питателя во время глада, и чудотворного врача от болезней, и защитника от еретиков и язычников. Всеобщее уважение за все сии добродетели, еще при жизни святого Подвижника, простиралось до того, что поучения его читались по церквам непосредственно за Священным Писанием.

Из такого-то ума и сердца проистекла молитва, нами рассматриваемая, – из ума богопросвещенного, из сердца, пламеневшего любовью к Богу и ближним, совершенно очищенного и освященного благодатью.

И в молитве своей, как в душе и жизни, святой Ефрем прост и безыскусствен. Он молится и располагает всех нас молить Господа, во-первых, об удалении от нас душевредных пороков, во-вторых, о ниспослании вместо их боголюбезных добродетелей, предполагая, что и пороки не удалятся от нас, и добродетели не приидут к нам без особенного содействия силы Божией.

Такое чувство ненадежности в деле спасения на свои силы и призывание на помощь благодати Божией есть отличительное свойство нравственности христианской. Гордый язычник говорил самонадеянно: пусть дадут мне боги честь, богатство, здравие, а добродетель я сам себе достану. Но откуда была у него сия пагубная самонадеянность? Оттого, что язычник не знал хорошо греховного растления природы человеческой и ее бессилия духовного, не понимал свойств самой добродетели, ограничивая ее одной внешней честностью.

Просвещенный светом Евангелия христианин, напротив, ясно видит, как падший человек не способен сам по себе и помыслить, не только совершить что-либо истинно доброе, – как грех и зло до того проникли в нашу душу, что овладели самым внутренним источником мыслей и чувств; ясно видит также, с другой стороны, чего требуется от добродетели, дабы она была совершенно чистой и благоугодной не пред очами только человеческими, а и пред очами Божиими, что для сего необходима не блестящая токмо наружность, часто прикрывающая собой одну тайную гордость и своекорыстие, а искренняя любовь к добру, совершенное послушание воле Божией и закону совести, с отвержением всех расчетов самолюбия; видит, говорю, все сие христианин, и, признавая в себе невозможность освободиться собственными силами от яда греховного, стяжать собственными средствами добродетель столь чистую и совершенную, падает в смирении пред престолом благодати и восклицает: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми! Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему!» – Если Ты, всеблагий и всемогущий, Сам не затворишь бездонных хлябий зла, во мне гнездящегося: то, при всех усилиях моих, оно вечно будет источать поток худых мыслей и деяний, наводнять нечистотою мою душу и сердце. Если Ты, всесвятый и праведный, Сам не поставишь меня на путь правды и истины, не утвердишь на камени заповедей Твоих колеблющиеся стопы мои: то я вечно буду претыкаться и падать, всегда буду собираться идти к Тебе и не тронусь с места, тем паче не достигну той цели возжеленной, которая предназначена мне Твоею премудрою любовью.

Нельзя также, братие мои, не остановиться вниманием на самом выражении, которое употреблено святым Ефремом в его молитве. Он молит Господа не о том только, чтобы от него были удалены пороки, и чтобы ему поданы были добродетели, но чтобы он освобожден был от самого духа сих пороков, чтобы ему ниспослан был самый дух сих добродетелей.

Так люди духовные во всем созерцают духа, тогда как люди плотские в самых духовных предметах видят нередко одну плоть! Что же здесь называется духом пороков и духом добродетелей? То ли, что мы обыкновенно называем таким-то пороком и такою-то добродетелью, или что-либо другое, большее?

Не погрешим, если скажем, что святой Ефрем, молясь об отгнании от него духа праздности, уныния и любоначалия, и о даровании ему духа целомудрия и смиренномудрия, имел в виду действительных духов, – в первом случае, духов темных и злых, в последнем – духов добрых и светоносных. Человек, по учению Священного Писания, постоянно находится между двумя мирами: горним – светоносным, и дольным – мрачным и диавольским. Тот и другой мир действуют на него непрестанно и ведут между собой брань за него.

Мир ангельский действует на человека тем, что охраняет, поддерживает, укрепляет его на пути покаяния и добродетели, вдыхая благие мысли и чувства, сообщая духовную силу и крепость. Мир диавольский действует тем, что старается совратить человека с пути правды, удержать в плену страстей и порока, вдыхая для сего в его душу и сердце все нечистое и богопротивное.

Неудивительно после сего, если каждая добродетель имеет своего духа чистого, который, по преизбыточествующей силе сей добродетели в нем самом, становится особым руководителем для человека, к ней стремящегося. Неудивительно, если и каждый порок имеет своего духа тьмы, который также, может быть, по преизбыточествующей силе сего порока в нем самом, становится споспешником его для людей грешных. – Сих-то духов, яко началовождей добра и зла, видит человек Божий своим богопросвещенным оком, и молит Господа о ниспослании ему светоносных духов добродетели и об удалении от него темных ангелов греха.

Кроме сего, каждая добродетель, коль скоро утвердится в человеке, и каждый порок, коль скоро овладеет им, образуют из себя самих свой дух, по виду своему. Этот дух добродетели сильнее и светоноснее, нежели самая добродетель; этот дух порока мрачнее и злее, нежели самый порок.

Как образуется в душе этот дух? Так же, как в вещах чувственных.

Наполните комнату какими-либо вещами и оставьте их там надолго: в комнате образуется дух сих вещей, так что если вы и вынесете их, дух сей останется надолго. Если наполните веществами благовонными, то останется благовоние; если зловонными, то зловоние.

Так бывает и с душою, когда она наполняется известным каким-либо видом добродетелей или пороков: в ней образуется дух господствующей добродетели или дух любимого порока. – Кто, например, теперь, в продолжении Святого поста, потрудится неленостно постяся, у того, и по окончании постных дней, останется дух поста, и соделает его трезвым и воздержным во всем. Кто, напротив, в прошедшие дни предавался много роскоши и сладострастию, из того и Святой пост не вдруг может изгнать духа чувственности и плотоугодия, так что он и среди духовных предметов, в минуты самые священные, будет возмущаться от воспоминаний и мыслей плотских.

Вообще борьба с духом порока гораздо труднее, нежели с самим пороком. Порок можно тотчас оставить, но дух порока не скоро оставит тебя: надобно долго сражаться, долго подвизаться и терпеть, чтобы освободиться от него.

Все сие, без сомнения, имеет в виду святой Подвижник Христов, и посему просит у Господа совершенного освобождения от зла, совершенного очищения своего духа и тела, совершенного уничтожения в природе своей закваски греховной.

Подражая сему, не остановимся и мы, братие мои, на поверхностном очищении души нашей посредством исповеди от некоторых токмо, видимо злых и богопротивных дел. Что пользы отсекаль ветви, когда остается корень зла? Благоразумно ли убивать одну большую змею, когда десять малых готовы на ее место?

Вооруженные духом ревности по Бозе и своем спасении, проникнем до самого исходища зла в душе нашей и постараемся истребить его совершенно. Для нас самих это было бы невозможно, но мы имеем всемогущую благодать Божию, пред коей вся нага и откровенна, вся возможна и удобна.

Когда мы усердной молитвой низведем сию благодать в свою душу, предадим ей сердце свое и дадим беспрепятственно действовать в нас и врачевать недуги наши, то бездна тьмы и зла, нас обуревающая, разделится; явится суша – твердое хождение в заповедях Божиих, воссияет над нами свет Лица Божия, создастся сердце новое, обновится дух правый; и мы вообразимся прежней, первобытной добротой невинности и правды,

еже буди со всеми нами благодатью Христовою! Аминь.

Слово в пяток недели 1-й Великого поста

«Господи и Владыко живота моего, дух праздности не даждь ми!»

Можно было ожидать, что великий Подвижник Христов начнет свою молитву прошением об удалении от себя какого-либо другого порока, а не праздности; потому что праздность, по обыкновенному понятию, не есть что-либо важное и опасное. Некоторые готовы почитать ее даже за состояние завидное. Но человек Божий смотрит на вещи иначе; видит в праздности первого врага своему спасению; и потому первое всего молит Господа об освобождении от него.

Но что худого делает праздный человек, когда он ничего не делает? То именно, что ничего не делает, ибо человеку всегда надобно делать что-либо. В самом деле, если Сын Божий о Себе Самом и Отце Своем говорит: *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю (Ин. 5:17)*; то человеку ли предаться праздности? Деятельность – наше назначение: для сего именно даны нам бытие и жизнь, для сего снабжены мы силами и способностями. И как земная жизнь наша вообще не долговечна; а между тем в продолжение ее мы должны заслуживать целую вечность, блаженную или злополучную; то праздность, рассматриваемая с сей стороны, есть уже великое преступление против нас самих; ибо всякий праздно проведенный час ведет за собой потерю не только для здешней жизни, но и для вечности. Неупотребление данных от Бога сил на дела благие уподобляет человека рабу, сокрывшему свой талант в землю, и уготовляет ему плачевную участь сего раба, то есть: *и еже мнится имея, взято будет от него (Мф. 25:29)*.

Точно будет взято! Кем? И правосудием Божиим – в свое время, а теперь – самой праздностью! Порок сей, по самому свойству своему, таков, что ослабляет, сокращает и, наконец, отъемлет у нас наши силы и способности. В самом деле, перестаньте, например, ходить и употреблять свои ноги: если это неупотребление продлится долго, то вы потеряете, наконец, способность ходить, едва будете в состоянии встать и стоять на ногах. Так с телом, так и с душою. Всякая способность души упражняемая – возрастает и усиливается; оставляемая в бездействии – слабеет и портится. Что, например, более живое по природе и не умолкающее, чем наша совесть? Но не упражняемая, не хранимая, препятствуемая в ее деятельности, – и совесть слабеет, умолкает и засыпает: человек становится бессовестным. Тем скорее вянут и слабеют от неупотребления другие душевные способности: например, для человека, долго не

молившегося, трудно поставить себя потом в молитвенное состояние и на несколько минут; человек, не упражнявшийся в посте, не может пробыть без пищи и одного дня.

Но праздность опасна не одним тем, чего лишает, но и тем, что приводит за собой. Что же она приводит? Порок и развращение.

Если бы душа наша была подобна бесчувственному инструменту, который, когда прекращают на нем игру, остается спокоен, то можно было бы без вреда оставлять ее в бездействии; но с душой, по ее духовной природе, подобного бездействия быть не может; а происходит то же, что с полем, оставленным без возделывания: поле покрывается худыми травами, душа – худыми мыслями и чувствами. Посему праздность справедливо можно назвать готовой и самородной почвой для всего худого и греховного. Никто так не обуревается множеством нечистых помыслов и желаний греховных, как человек праздный: мысль его, не утвержденная ни на каком предмете, носится всюду, и, подобно врану Ноеву, всегда останавливается на том, что манит чувственностью; воображение в таком случае обыкновенно рисует пред собою образы обольстительные, кои случалось когда-либо видеть; память представляет случаи, когда страсти находили себе преступное удовлетворение; ум плодит – то разные замыслы житейские, то сомнения о предметах священных; сердце располагает к разным страстным движениям. Кроме сего, праздность имеет то злое свойство, что производит в человеке скуку, заставляющую искать развлечений и забав, кои у праздного обыкновенно состоят из того, что вредит душе, поелику обращаются около предметов самых чувственных, если не прямо богопротивных. И здесь-то корень и источник различных пристрастий к забавам, от коих страдают люди праздные, тем забавам, кои губят здоровье и честь, расстраивают состояние, делают самого значительного в обществе человека вовсе не тем, чем он мог и должен быть.

Не забудем, наконец, при оценке праздности и того, что для большей части людей порок сей влечет за собой недостатки и бедность, заставляя обращаться к непозволительным средствам приобретения: и так как праздный человек, по привычке к неге, бывает обыкновенно склоннее других к чувственности и удовольствиям, то искушение пользоваться незаконно трудами других через то самое для праздного еще более увеличивается. Пересмотрите людей, заключенных в темницах, вникните в причину их преступлений, и увидите, что большая часть их произошла в начале своем, так или иначе, именно от праздности.

Знали все сие святые Божии человеки, и ничего так не старались

избегать, как праздности. Казалось, самая жизнь пустынная и созерцательная освобождала их от трудов, тем паче телесных, ибо много ли у них оставалось и времени от молитв общественных и домашних? Но, зная опасность праздности, они брали с собой труд в самые пустыни; не разлучались с ним при совершении дел самых высоких. Кто, например, это сидит у холма пустынного в Фиваиде, поет псалмы и в то же время плетет корзины? Это – светило Египта, Антоний Великий. Корзины сии пойдут в Александрию и променяются на укруги хлеба, коими столетний старец подкрепляет по временам немощь своей плоти. Кто это во мраке ночном, при свете лампы или луны, занимается деланием шатров и палаток? Это – святой Павел. Днем он проповедует Евангелие мудрым еллинам, а ночь употребляет на скинотворство, дабы не быть никому в тягость скудным содержанием своим. Кто это в малой хижине назаретской стучит млатом, действует пилой, трудится с утра до вечера над древоделием? Это – святой Иосиф, воспитатель Господа Иисуса и хранитель Его Матери. Труды рук его доставляют пропитание Святому Семейству. Вообще, у святых людей время разделено было между богомыслием и трудолюбием. Первым правилом их было питаться не от чужих, а от собственных трудов. Трудом сего при всей скудости их внешнего состояния, ставало им даже на то, чтобы помогать ближним, питать алчущих, одевать нагих и искупать пленных.

Но что же, спросят, делать тем, кои самым состоянием своим удалены от трудов, тем паче телесных? – Что делать? – Изобрести себе труд по своим силам и обстоятельствам. Ведь изобретаем же мы удовольствия; почему не изобрести и труда? И мало ли чистых и полезных предметов для занятия души и сердца, самых членов тела? Одно необозримое поприще благотворительности может представить каждому для сего все, что нужно. Каков бы ни был труд, только б был безгрешен и занимал силы наши, – и цель будет достигнута. Ибо праздность уничтожается не одним телесным трудом, а и всяким.

Рассуждая таким образом о труде и праздности, мы имеем в виду, братие, состояние человека вообще, или паче состояние человека, не возрожденного еще благодатью Божией, не начавшего жить во Христе. Для человека же облагодатствованного, непрестанная деятельность духовная есть уже святая необходимость; ибо он должен непрестанно восходить от силы в силу. Праздность в сем случае есть прекращение самого восхода; а прекращение восхода – то же, что отступление назад. Ибо они, как испрашивается в молитве церковной, и среди сонного безмолвия просвещаются зрением судеб Божиих.

Имея столь высокую цель бытия (ибо мы все предназначены к одному и тому же), да воззовет, братие, и каждый из нас вместе с святым Ефремом: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности не даждь ми!» Не даждь, да дни мои, кои так малы и кратки, преходят в суете мирской и бездействии; не даждь, да таланты, мне вверенные, погребаются в земле забвения и лености; не даждь, да по недостатку любви к трудам соделаюсь в тягость подобным себе и постыжду в себе образ Твой! Сотвори, да буду бодр на всякое дело благое, да непрестанно труждаюсь над возделыванием существа моего для вечности, и да все, что ни делаю, делаю для славы Твоей, Господи, а не из угождения себе самому! Аминь.

Слово в среду недели 2-й Великого поста

«Господи и Владыко живого моего, дух уныния не даждь ми!»

Значит, дух уныния противен не одним забавам мирским, а и жизни христианской. Почему так? Потому что жизнь христианская требует всегдашней деятельности духовной, бодрости, мужества и силы; а в унылом какая деятельность, какая бодрость и сила? – Потому что *Царство Божие*, в коем находится истинный христианин, есть, по свидетельству апостола, *правда и мир и радость о Дусе Святе (Рим. 14:17)*; а в унылом какой мир и какая радость? Посему те, кои думают, что жизнь христианская необходимо сопряжена с унынием, сим самым показывают, что они не знают духа истинного христианства. Нет, это дух света, крепости и силы, дух мира и радости непрестающей.

Правда, что христианин не вдруг достигает сего блаженного состояния, подобно как тяжелобольной не вдруг получает здоровье; но чувство самого начала выздоровления душевного есть уже чувство отрадное и утешительное, которое, постоянно возрастая, наполняет всю душу миром и радостью.

Правда и то, что истинный христианин, всегда занятый делом своего спасения, вкушая при том, хотя по временам, удовольствия высшие и духовные, чуждается шумных радостей мира, представляется нередко задумчивым в те минуты, когда другие не знают меры своим восторгам; но он столь же мало почитает за потерю неучастие в радостях мирских, сколь мало человек возрастной считает за потерю то, что не участвует в играх и забавах детских; его задумчивость происходит не от духа уныния, а от других причин, нередко от мысли, как некоторые могут веселиться тогда, как им надлежало бы плакать.

Правда, наконец, и то, что христианин, ведя до конца жизни непрестанную брань со грехом и страстями, подвергается иногда таким искушениям, о каких миролюбцы не имеют и понятия, но духовная брань сия не производит в нем духа уныния; воин Христов исходит против врагов спасения своего еще с большим благодушием, нежели воин царя земного.

Посему, когда увидите, братие мои, истинного христианина страждущего унынием, то блюдитесь выводить из сего что-либо в пользу христианства: нет, из сего следует только, что сей член тела Христова еще несовершенен в вере и преданности; что он, по слабости природы человеческой, недугует еще сердцем, и может быть, сей недуг духовный

нарочно допущен Врачом небесным для возвращения ему полного здоровья.

Как бы то ни было, только уныние всегда есть состояние духа неестественное, есть болезнь, которая, при усилении своем и продолжительности, может сделаться крайне опасной и причинить смерть не только духа – отчаянием, но и самого тела – его разрушением. *Печаль мира сего*, – замечает апостол, – *смерть соделоват (2Кор. 7:10)*.

Посему-то святые мужи ничего так не боялись, как уныния; и при первом появлении сего врага, спешили принимать все меры к отражению его. По уединенной и подвижнической жизни их, уныние, конечно, было для них опаснее, нежели для людей, живущих в мире: но и живущие в мире не могут предаваться ему без опасности для своей души и тела, которая тем более возрастает, чем долее продолжается сие неестественное состояние. Посему всем нам полезно вникнуть, отчего происходит уныние и какие против него средства?

Источников уныния много: и внешних и внутренних, и духовных и чувственных.

И, во-первых, в душах чистых и близких к совершенству, уныние может происходить от оставления их на время благодатью Божией. Состояние благодати есть самое блаженное. Но чтобы находящийся в сем состоянии не возомнил, что оно происходит от его собственных совершенств, благодать иногда удаляется и сокрывает себя совершенно, предоставляя любимца своего самому себе. Тогда бывает со святою душою то же, как если бы среди дня наступила полночь, или в самый благорастворенный летний день появился мраз зимний: в душе является темнота, хлад, мертвость и вместе с тем уныние.

Во-вторых, уныние, как свидетельствуют люди опытные в духовной жизни, бывает от действия духа тьмы. Не могли запясть души на пути к небу чувственностью, прельстить ее благами и удовольствиями мира, враг спасения обращается к противоположному средству и наводит на нее внутреннюю тугу и уныние. В таком состоянии душа бывает как путник, вдруг застигнутый мглою и туманом; не видит ни того, что впереди, ни того, что позади; не знает, что делать, теряет бодрость и дух, впадает в нерешимость и некое внутреннее исчезновение. Сему роду уныния подвергаются люди, также не мало подвизавшиеся на пути добродетели, уже победившие искушения чувственности.

Третий источник уныния есть наша падшая, нечистая, обезсиленная, помертвевшая от греха природа. Доколе мы действуем по самолюбию, наполнены духом мира, надываемся страстями: дотоле сия природа в нас весела и жива; откуда в ней берутся сила, дух, отвага и терпение. Но

перемените направление жизни, сойдите с широкого пути мира на узкий путь самоотвержения христианского, примитесь за покаяние и самоисправление: тотчас откроется внутри вас пустота, обнаружится духовное бессилие, ощутится сердечная мертвость.

Доколе душа не успеет наполниться новым духом любви к Богу и ближнему, яться верою за силу Креста Христова и прицепиться, как ветвь, всеми мыслями и чувствами к древу жизни – Господу Иисусу: доколе дух уныния, в большей или меньшей мере, для нее неизбежен. Счастлива она, если недолго остается в сем состоянии, ибо от него недалеко пропасть отчаяния духовного. Сему роду уныния подвергаются наипаче грешники, по их обращении.

Четвертый, обыкновенный источник уныния духовного есть недостаток, тем паче прекращение деятельности и привычных трудов. Престав употреблять свои силы и способности, душа теряет живость и бодрость, становится вялой и неудободвижной; самые прежние занятия ей противеют: начинает быть ощущаема внутренняя пустота; появляются недовольство, скука и уныние.

Может происходить уныние и от различных печальных случаев в жизни, как-то: смерти родственников и любимых лиц, потери чести, достояния и других несчастных приключений.

Все это, по закону нашей природы, сопряжено с неприятностью и печалью для нас; но, по закону же самой природы, печаль сия должна уменьшаться со временем и исчезать, когда человек употребляет средства к своему одушевлению и не предаётся печали. В противном случае образуется дух уныния.

Может происходить уныние и от некоторых мыслей, особенно мрачных и тяжелых, когда душа слишком предается подобной мысли, и смотрит на предметы не в свете веры и Евангелия. Так, например, человек легко может впасть в уныние от частого размышления о неправде, господствующей в мире, о том, как праведные здесь скорбят и страдают, а нечестивые высятся и блаженствуют, и как все, по-видимому, отдано на произвол страстей человеческих и случая.

Источником уныния душевного могут быть, наконец, различные болезненные состояния тела, особенно некоторых его членов.

От чего бы, впрочем, ни происходило уныние, молитва всегда есть первое и последнее против него средство. В молитве человек становится прямо лицу Божию: но если, став против солнца, нельзя не озариться светом и не почувствовать теплоты, тем паче свет и теплота духовные суть непосредственные следствия молитвы. Кроме сего, молитвой

привлекаются благодать и помощь свыше, от Духа Святаго; а где Дух Утешитель, там нет места унынию, там самая скорбь будет в сладость.

Чтение или слушание слова Божия, особенно Нового Завета, есть также сильное средство против уныния. Спаситель ненапрасно призывал к Себе всех труждающихся и обремененных, обещая им успокоение и радость. Радость сию он не взял с Собою на небо, а всецело оставил в Евангелии для всех скорбящих и унылых духом. Кто проникается духом Евангелия, тот престаёт скорбеть безотрадно, ибо дух Евангелия есть дух мира, успокоения и отрады.

Богослужения, и особенно святые таинства Церкви, также великое врачевство против духа уныния: ибо в церкви, яко доме Божиим, нет для него места; таинства все направлены против духа тьмы и слабостей природы нашей, особенно таинство исповеди и причащения. Слагая с себя тяжесть грехов посредством исповеди, душа чувствует легкость и бодрость; а приемля в Евхаристии брашно Тела и Крови Господа, чувствует оживление и радость.

Собеседование с людьми, богатыми духом христианским, также средство против уныния. В собеседовании мы вообще выходим более или менее из мрачной глубины внутренней, в которую душа погружается от уныния; вместе с разверстием уст, в человеке унылом, можно сказать, разверзаются недра от духа, открывается доступ туда свету и теплоте духовной. Кроме сего, посредством мены мыслей и чувств в собеседовании, мы занимаем у беседующих с нами некую силу и жизненность, что так нужно в состоянии уныния.

Размышление о предметах утешительных и утверждение мысли на каком-либо из них также весьма много помогает в унынии. Ибо мысль в сем состоянии или вовсе не действует, или кружится около предметов печальных. Чтобы избавиться от уныния, надобно заставить себя мыслить о противном. Например, если уныние произошло от печали о смерти лица любимого; то, вместо того, чтоб бродить непрестанно мыслью у его могилы, представлять себе его лежащим во гробе, или тлеющим в земле, – переносите чаще мыслью на небо, где его дух, представляйте день всеобщего, будущего воскресения, когда мы все облечемся новым, прославленным, бессмертным телом, и не будем более подлежать горестной разлуке с ближними.

Занятие себя трудом телесным также прогоняет уныние. Человек унылый неспособен бывает к труду, но что нужды? Пусть начнет трудиться, даже нехотя; пусть продолжает труд, хотя без успеха: от движения оживает сначала тело, а потом и дух, и почувствуется бодрость;

мысль среди труда неприметно отвратится от предметов, наводивших тоску, а это уже много значит в состоянии уныния.

Наконец, если источник уныния скрывается в недугах телесных, то христианин не должен пренебрегать пособия и от искусства врачебного: ибо искусство сие от Бога. *Господь созда*, – говорит Писание, – врача на потребу человека (Сир. 38:1), посему врач есть слуга Божий для нас во благое.

Все, что мы говорим об унынии, касается уныния христианского, Страдают ли унынием миролюбцы и грешники, нерадящие о спасении души своей? – Всего более и всего чаще, хотя, по-видимому, жизнь их состоит большей частью из забав и утех. Даже по всей справедливости можно сказать, что внутреннее недовольство и тайная тоска его постоянная доля грешников. Ибо совесть, сколько бы ни заглушали ее, как червь точит сердце. Внутренний человек, как ни подавляют его, подымлет нередко главу и стонет. Невольное, глубокое предчувствие будущего суда и воздаяния также тревожит душу грешную, возмущает и преогорчает для нее безумные утехы чувственности. Самый закоренелый грешник по временам чувствует, что он как ветвь без корня, как здание без основания, что внутри его пустота, мрак, язва и смерть. Отсюда та неудержимая склонность миролюбцев к непрерывным развлечениям, к тому, чтоб забываться и быть вне себя.

Что сказать миролюбцам об их унынии? Оно благо для них: ибо служит призыванием и побуждением к покаянию. Посему, вместо того, чтобы прогонять сие уныние, как болезнь, им надобно пользоваться как врачевством, обращая его из бесплодной печали века сего в спасительную печаль по Боге. И пусть не думают, чтобы нашлось для них какое-либо средство к освобождению от сего духа уныния, доколе не обратятся на путь правды и не исправят себя и своих нравов. Суетные удовольствия и радости земные никогда не наполнят пустоты сердечной: душа наша пространнее всего мира.

Напротив, с продолжением времени самые радости плотские потеряют силу развлекать и обаять душу, и обратятся в источник тяжести душевной и скуки. Между тем печаль по Бозе, сокрушение о своей незаконной жизни, хотя вначале и прибавит, по-видимому, нечто к тоске душевной, но со временем послужит к совершенному исцелению от всех болезней сердечных; ибо приведет за собою *правду, мир и радость о Дусе Святе*. Аминь.

Слово в пяток недели 2-й Великого поста

«Господи и Владыко живота моего, дух любоначала не даждь ми!»

Не даждь духа, который, вселившись в Ангела светоносного, омрачил его и низринул навсегда с неба, который, возобладав прародителями нашими, изгнал их невозвратно из рая; того духа, коим ослепленный Фараон вопрошал: *кто есть Бог, Егоже послушаю гласа?* (Исх. 5:2), коим прельщенные, Дафан и Авирон сошли за свое возмущение против Моисея во ад живы; того духа, который заставлял еретиков идти против власти Церкви, возмутителей и крамольников – терзать недра своего Отечества, буйных писателей – сеять плевелы и порчу нравов в целых поколениях; того духа, который, несмотря на чудовищную величину свою, может вселяться в самого малого человека, и в кого ни вселится, делает его недовольным ничем, тем паче своим состоянием.

В самом деле, братие, от духа любоначала и превозношения не безопасен никто: он проникает в самые пустыни и заставляет иногда людей, отрекшихся всего, искать первенства пред другими, если не в другом чем, то в самом удалении от власти; он появляется в кругу самых юных детей и делает из отрока предводителя себе подобных, который гордо раздаёт приказания, с завистью смотрит на соперника, мучится духом, если лишается своего начальства. А что сказать о мире и обществе человеческом? Там принято даже за правило, что худой тот воин, который не хочет быть военачальником. Вступая на поприще жизни, редкие не приносят с собою туда видов самых честолюбивых, желаний самых непомерных. И как многим не быть зараженными духом любоначала, когда родители и воспитатели сами почитают нередко за долг возбуждать его в юных питомцах, почитая это залогом их будущих успехов в жизни?

В самом деле, это бывает залогом, но чего? Не успехов, а неудач, не возвышения, а падений самых опасных. Ибо, во-первых, возможно ли всем достигнуть мест высоких, честей и отличий блистательных? Доля сия по необходимости принадлежит немногим. А посему для прочих покусение на нее есть покусение почти на невозможное и, следовательно, вредное. А, во-вторых, дух любоначала есть вообще самый худой помощник в достижении честей и достоинств. Ибо человек, им проникнутый, никогда почти не имеет терпения и скромности, так необходимых для успеха и в делах земных. Надменный духом любоначала, напротив, готов бывает употребить все средства, чтобы скорее достигнуть цели; а употребляя их безрассудно, редко не подвергается тяжким падениям. В случае неуспеха и

превратности, с ним бывает еще хуже: он позволяет себе наглости и буйства, кои лишают его и того, что он имел. Обыкновенно таковые люди с обманутым честолюбием бросают путь честей и даже служения общественного, и заключают себя преждевременно в круге жизни домашней. Мирный и благой круг сей мог бы вознаградить их за все лишения большего света; но, к сожалению, и здесь честолюбец редко находит для себя успокоение, потому что приносит с собой домой дух недовольства от своих неудач, дух ропота и ожесточения сердечного. Кроме сего, страсть превозношения и здесь хочет находить во всем пищу, и по естественному порядку вещей, встречая нередко сопротивление, беснуется и мучит себя и других.

Человек гордый всем тяжел и противен даже и тогда, когда обладает отличными способностями: ибо все, чем отличила и украсила его природа, он употребляет обыкновенно на унижение других; а кому приятно быть унижаемым? Посему таковых людей обыкновенно стараются избегать. Но дух любоначалаия появляется и в людях самых посредственных. Таковых уже и не избегают, а прямо презирают. Сколько отсюда огорчений для презираемого!

Что же, – скажет кто-либо, – ужели христианину вовсе не позволено желать высоких достоинств?

Христианину не запрещено желать всего доброго. Можно желать, когда чувствуешь способность к тому, и высокого достоинства; но как желать? – Так ли, чтобы почитать себя предназначенным именно к занятию такого или другого высокого звания? Это было бы самомнение и гордость непростительная. Так ли, чтобы, не достигнув своего желания, думать, что уже потеряна вся цель жизни, и потому сокрушаться и мучить себя? Нет, это значило бы не понимать значения и цели своей жизни. Так ли, чтобы все средства к достижению отличий и достоинств почитать законными и позволительными? Но такого любоначалаия и честолюбия не терпит самый мир. Что же позволительно христианину в отношении к честям и достоинствам? Позволительно готовить себя к тому, чтоб быть их достойным, раскрывать и уссовершенствовать в себе все таланты, Богом данные, обнаруживать их правильным и общеплезным образом, показывать деятельность, честность и любовь к благу общему. Над всем этим трудись, сколько угодно: все это похвально не пред человеками только, но и пред Богом. А искать усиленно высших мест и достоинств, тем паче употреблять для сего происки и связи, коварство и обман, и не достигнув желаемого, поднимать ропот, приходить в малодушие и отчаяние, все это совершенно дело нехристианское. Христианин спокойно

ожидает звания свыше: приходит его черда, он со смирением исходит на поприще, пред ним открывшееся; не приходит – он употребляет свои способности и познания в том круге, в коем находится, не пререкая вышнему распоряжению, не упрекая никого в невнимании к себе. Ибо будьте уверены, Провидение Божие, даруя кому-либо отличные способности, всегда само заботится о том, чтобы они не остались втуне, само открывает поприще для употребления их в дело. Нам может казаться, что это поприще мало, не по нас: но если мы, вступив на него, делаем, как должно, свое дело, то все благое, в нас находящееся, найдет сродное себе употребление и принесет плод.

А с другой стороны, этот круг часто бывает тесен только вначале – для искушения нашего терпения и смирения; а потом невидимою рукою, смотря по нашей верности, расширяется; и тот, кто думал навсегда оставаться долу, видит себя на высоте, ему приличной. Но и без сей высоты можно всегда сделать много истинно полезного, даже, если угодно, быть первым и вождем для других. Сколько вокруг каждого стезей добра, еще не проложенных, благих подвигов, еще не начатых! Осмотрись и, не теряя духа от своего невысокого положения в свете, начни делать, хотя понемногу и в малом виде то, чего не делано никем: ты будешь таким образом первым, создашь новое для себя поприще и отличие, подашь пример самим начальникам, целому обществу. Не так ли именно начиналась деятельность многих друзей человечества, коих имена потерялись бы между множеством других имен, если бы они пошли общим и обыкновенным путем честей и отличий, и кои теперь блистают в свитке бытописаний, может быть, именно потому, что им не надо было идти сим путем, а предоставлено для блага человечества открыть новое поприще, свое собственное?

Но говоря таким образом, мы вместо угашения духа любоначала, можем еще возбудить его в тех, кои имеют предрасположение к тому. Поспешим же в предупреждение сего показать, что требуется от христианина при вступлении на высокое место. *Иже... хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга (Мф. 20:26)*: вот закон, изреченный Тем, Кто Сам во всех отношениях есть *Первый и Последний!* (Откр. 1:17). Христианин, чем выше, тем должен быть смиреннее, трудолюбивее и самоотверженнее. Начальство приносит ему труд и бдение, заботу и печаль обо всем, что под его рукою. Кто будет твердо иметь сие в виду, у того дух любоначала упадет сам собою, ибо для труда ли и блага общего гонит сей дух любимцев своих на высоту честей? Нет, он указывает им на сей высоте одну роскошь и довольство, одно величание и похвалы от всех.

Уничтожьте в уме своем все это, – и приманка исчезнет. Смотрите в высоком достоинстве на неразлучную от него тяжкую ответственность, и пред людьми, и паче пред совестью и Богом – и вы, вместо честолюбивых желаний, ощутите страх от высоких мест, и будете смотреть на них, как смотрят на верх высоких зданий, где страшно поставить себя даже и в мыслях.

Но в человеческой природе, скажет кто-либо, есть естественное стремление к высокому и великому: не должно ли его питать и поддерживать? Без сомнения должно; и если бы мы сохранили и питали его надлежащим образом в душе своей, то не прельщались бы никакими высотами человеческими и не останавливались бы на них, как на верху всех желаний, ибо врожденное нам стремление к высокому и великому превьше не только всей земли, но и всего мира. Оно-то именно, хранимое в чистоте и силе, и спасало бы нас от всех мелких видов земного честолюбия. А чтобы ему самому не оставаться праздным, – для сего всем людям без исключения указана Творцом цель самая высокая. Какая? Та, на которую указывает и к коей всех призывает Евангелие. Что может быть выше тех обетований, кои в нем содержатся? По учению его, все мы предназначены к царству со Христом, к владычеству над целым миром, к высоте ангельской. Се достоинства для всех и каждого! Стремись всякий: сего не только никто не запрещает, а напротив, все к тому побуждает. Между тем, кто идет к сим высотам и восходит на них? Худородные века сего, отребие мира, как выражается Апостол, то есть, люди, удаленные от всех честей и достоинств мирских. А люди, находящиеся на высоте земного величия? Увы! Они, прельщенные высотой своею, редко обращают на сей предмет и внимание! С ними, к сожалению, бывает то же, что с вершинами высоких гор, кои, быв покрыты снегом и льдом, блещут при каждом восхождении и захождении солнца радужными лучами и восхищают взор, но постоянно остаются голы и бесплодны, без всякого признака жизни.

Имея в виду сии опыты, если рука Провидения поставит нас на высоте земных достоинств, будем стоять со страхом Божиим, не забывая своего недостойнства и великих обязанностей, на нас лежащих, не прельщаясь своею высотой, и устремляя взор ума и сердца постоянно к почестям высшего звания, к тем престолом и венцам, кои раздает достойным не произвол человеческий, а всевятая и праведная воля Вседержителя. А если Провидение судило нам оставаться в низкой доле, будем стоять в ней с благодушием и преданностью, памятуя, что Господь наш есть Господь гор и юдолей (3Цар. 20:23), что стояние долу есть стояние токмо на время,

и что все мы предназначены к такой высоте, пред которой все высокое и великое на земле есть один призрак и тень. Аминь.

Слово в среду недели 3-й Великого поста

«Господи и Владыко живота моего, дух празднословия не даждь ми!»

Видно, празднословие есть порок весьма опасный, что против него столько молитв! Ибо и святой Давид, как вы сами часто слышите, постоянно молится ко Господу, говоря: *Положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих (Пс. 140:3)*. И премудрый сын Сирахов восклицает молитвенно: *кто даст ми во уста моя хранилище, и на устне мои печать разумну? (Сир. 22:31)*.

А у нас, братие, напротив: ничто так мало не хранится, как слово; ничто так праздно не расточается, как слово. Те самые, кои могли бы подавать пример благоразумного употребления слова, то есть, люди, одаренные отличным умом и познаниями, нередко первые небрегут о сем и подают пример противного.

Хорошо ли это? Весьма худо уже потому, что за *всякое праздное*, тем паче худое *слово*, по свидетельству Самого Господа нашего, надобно будет некогда дать ответ (*Мф. 12:36*). Нам кажется, что слова наши исчезают в воздухе; а они все, напротив, остаются целы, собираются и печатлеются на день суда и воздаяния. Посему человек празднословный собственными устами произносит будущее осуждение на самого себя. Малость ли это? И напрасно бы мы воображали, что когда будут судить нас за слова наши, то таким образом поступят с нами слишком строго. Нет, суд сей правилен и необходим: ибо нам только кажется, что слова наши ничего не значат, и что расточать их безумно есть вещь неважная; между тем, слово человеческое очень важно и очень стоит того, чтобы в нем требовать отчета.

Ибо, что такое наше слово? Явно, отпечаток слова Творческого. В Боге слово, и в человеке слово. Правда, что слово в Боге не то, что наше слово; в Боге оно есть самый отпечатленный образ существа Его, Единородный Сын Божий: но и в нас слово не праздный звук, и в нас оно есть отпечаток и образ нашего духа, так что если бы собрать все слова наши, то мы увидели бы в них свое собственное изображение. Благоразумно ли не дорожить сим изображением, обременять его чертами отвратительными и марать безжалостно?

Далее, словом человек видимо и преимущественно отличен от всех тварей, его окружающих. Это главный признак и главное средство нашего владычества над миром, как то и показано в самом начале чрез наречение имен от прародителя нашего всем животным. Чего не производило слово

человеческое в чистом его виде, как оно было у святых Божиих человек! Останавливало солнце, заключало и отверзало небо, воскрешало мертвых. Кто после сего не признает в слове скипетра нашего владычества над миром? Мы не способны еще действовать сим скипетром; не будем, по крайней мере, повергать его в грязь и ломать безрассудно. У животных малое только и слабое подобие нашего слова; но посмотрите, как они берегут его: употребляют не иначе, как по крайней нужде; придет весна, – способные отверзают уста и поют со всеусердием хвалу и славу Создателю; а в прочее время года и они безмолвствуют.

Словом – далее – держится в силе и союзе весь род человеческий: это проводник наших взаимных мыслей, чувств, нужд, радостей и печалей, предприятий и усовершенствований. Словом связуется у нас таинственно прошедшее с настоящим, настоящее с будущим; приходят в тесное сообщение те, кои никогда не видали друг друга. Отнимите слово у людей: и все остановится в мире человеческом. Как же покрывать ржавчиною греха или делать ядовитую золотую цепь, связующую все человечество?

Обратите еще внимание на последствия слова человеческого. Всякое слово, исшедшее из уст ваших, никогда уже не возвратится к вам: нет, оно пойдет по умам и устам, по годам и векам; произведет неисчислимое множество мыслей и чувств, деяний и поступков, и, разросшись в огромное древо, обремененное всякого рода плодами по роду и виду его, сретится с тобою, творцом его, на Суде Страшном. – Как же не позаботиться о таком плодовитом произведении и произрощать их целыми тысячами безумно?

И в настоящем времени, на самого изрекающего слово, оно не остается без действия. По словам нашим, во-первых, все судят о нас; уста наши доставляют нам или уважение, или вселяют к нам отвращение и презрение. *Премудрый*, – замечает древний мудрец, – *во словеси любезна сотворит себе; а умножаяй словеса мерзок будет (Сир. 20:8, 13)*. Празднословие терпится иногда для развлечения, как держат для сей же цели некоторых пернатых; но никогда не заслужит уважения. Если вас слушают, когда вы говорите пустое, и не показывают отвращения; то будьте уверены, что сего отвращения нет только на лице слушающих, а в сердце оно у многих. Благоразумно ли же не дорожить тем, от чего зависят наша честь или безчестие, любовь или нерасположение к нам всех и каждого?

Если бы мы вознебрегли мнением о нас других людей за худое употребление нашего языка и слова, то и тогда не уйдем от наказания, ибо празднословие наказывает само себя. Человек празднословный пустеет

внутренне: ум его становится мелким, суждение несвязным, виды пустыми, предположения ничтожными или предосудительными. Пред взором человека наблюдательного он бывает похож на глупое дитя, не умеющее молчать. Такой человек не способен ни к чему важному и истинно полезному, как это замечено еще в древности, где мудрецы не принимали к себе и в ученики тех людей, кои продолжительным молчанием не доказали в себе способности к делу.

Не должно, наконец, опустить без особенного внимания и того, что происходящие от празднословия пустота души и неосновательность ума, не останавливаются на одних устах, а, по закону природы нашей, переходят в самые наши действия и жизнь. Премудро заметил святой Иаков, что *аще кто в слове не согрешает, сей... силен обуздати и все тело (Иак. 3:2)*: это естественная награда за обуздание своего языка. Привыкший, напротив, грешить в слове, скоро начнет грешить и в жизни. В самом деле, кто худой правитель и судия? Человек празднословный. Кто худой исполнитель приказаний начальников? Человек празднословный. Кто худой отец, сын, друг? Человек празднословный. Кто худая мать семейства? Жена празднословная. Где источник пересуд, клевет, ссор? В устах жены празднословной.

По всему этому не дивитесь, братия, что слово Божие так строго преследует празднословие и угрожает судом за слова не только худые, но и праздные. Это к нашей истинной пользе: ибо слово наше губит нас.

Как же, спросите, должно употреблять слово, чтобы оно не послужило некогда к нашему осуждению?

Употреблять его, во-первых, с крайнею бережливостью, как того требуют высокое происхождение слова, великое назначение его в мире и крайне важные действия его на других людей и нас самих.

Употреблять, во-вторых, на предметы того достойные, во славу Божию, на пользу ближних и к нашему усовершенствованию, и никак не употреблять на предметы срамные, на мысли нечестивые, на чувства зловредные; не употреблять на ложь и обман, на клевету и ябеду, на брань и ссору.

В-третьих, наблюдать за употреблением своего слова и по временам требовать у себя отчета в нем, – всего лучше, отходя ко сну, ежедневно.

В-четвертых, обращаться с молитвою к Господу, чтобы Он Сам положил хранение устам нашим, Сам ограждал нас Своею благодатью от духа празднословия, который с такою свирепостью заражает ныне всю вселенную. Ибо, если святые Божии человеки, Давиды, Сирахи, Ефремы не видели в себе самих достаточных сил на сражение с сим обольстительным

и зловредным духом, то нам ли ожидать победы над ним без помощи свыше?

В-пятых, должно приносить покаяние в словах худых и праздных и стараться вознаграждать их – всего ближе – посредством благого употребления того же слова, сознаваясь, где можно, прямо в прежнем безрассудном его употреблении.

Когда мы будем поступать таким образом, то слово наше постепенно освободится от всех недостатков и сделается, наконец, тем, чем быть должно – живоносным отгласом в нас слова Творческого, светлым отпечатком чистого существа нашего, могущественным органом нашего владычества над тварями, священной цепью, связующею нас со всем человечеством, верным посредником к сообщению другим того, что в нас есть доброго, и к принятию от других, чего недостает нам, – всегдашним орудием и залогом нашего преуспеяния во всяком совершенстве. Аминь.

Слово в пяток недели 3-й Великого поста

«Господи и Владыко живота моего, дух целомудрия даруй ми, рабу Твоему!»

Если какой дух, то целомудрия должен быть испрашиваем свыше: ибо для сохранения всей добродетели надобно сражаться с собственной природой; а где, скажем словами Иоанна Лествичника, побеждается природа, там должно быть присутствие существа, которое выше природы. «Напрасно будешь сражаться, – продолжает тот же святой наставник, – и отгонять от себя духа нечистоты плотской философскими доказательствами и противоречиями; потому что он может и со своей стороны представить нам не мало с разумом сходного и состязаться с нами естественными доводами. Посему, желающий преодолеть плоть сам собою, всеу течет. Предложи ко Господу немощь естества своего и признай пред Ним все твое бессилие: тогда нечувствительно примешь от Него и дар целомудрия».

Кроме общей, как можно чаще повторяемой, молитвы о даровании духа целомудрия, у того, кто хочет быть целомудренным, по совету святых мужей, должна быть всегда наготове краткая молитва частная – на случай искушений греховных. – А именно, когда почувствуешь, говорят они, что в сердце твоём – от видения ли, от слуха ли, или само собою – возрождается нечистое плотское вожделение, то устрями тотчас мысль ко Христу с молитвою о помощи и держи там ее, доколе не получишь подкрепления. Отвратив таким образом внимание свое от искры греховной, запавшей в твое сердце, ты сим самым как бы отнимешь у нее воздух, и она через то угаснет. А когда нужно, то низойдет и роса благодати для ее угашения.

После молитвы ничто так не ограждает целомудрие, как пост и труды. В самом деле, отними из-под котла хвратие – угаснет огонь; отними у тела роскошные яства и сытость, и угаснет вожделение чувственности. Обремененному трудами телу не до страстных движений: оно ищет тогда покоя и тишины. Праздность, напротив, и нега суть неиссякаемый источник сладострастия. Посему, думающий сохранить целомудрие среди пресыщения и роскоши подобен тому, кто бы, возлежа среди блата (болота), надеялся остаться чистым. Может быть, он успеет сохранить чистоту телесную, но непременно лишится душевной.

Равным образом, желающему хранить чистоту души и тела необходимо избегать всех случаев, где она видимо может подлежать очернению; а для сего, по примеру святого Иова, должно положить завет с

очами, слухом и всеми чувствами своими. Ибо не напрасно пророк чувства наши называет окнами, через кои входит в нашу душу смерть. Все грехи любят входить сими окнами; но ничто так часто не входит ими, как похоть плоти; посему и надобно блюсти сии окна и не отверзать их безрассудно. А когда уже нельзя, почему-либо, не видеть и не слышать соблазнов; то на таковые случаи надобно иметь противоядие духовное. Таким средством во время окружающего соблазна, кроме сердечной молитвы, может служить устремление мысли ко Кресту Христову и Его пречистым язвам, или к собственному гробу и смерти. Таким образом яд соблазна обессиливается верно и скоро.

Смирненное расположение духа и сердца, по учению святых отцов, есть также великая ограда для целомудрия: потому ли, что на смиренных всего более призывает Господь, – а где взор Его, там и благодать, оттуда бежит всякий соблазн и грех; – или может быть и потому, что свойства смирения есть понижать и подавлять в человеке все, выходящее из пределов, следовательно, и възгание плоти и крови. Гордость, напротив, и надменность, особенно соединенные с осуждением ближнего, по замечанию людей опытных в духовной брани, всего скорее подвергают самого совершенного, по-видимому, человека, искушению от плотских скверн, да накажется не превозноситься своей добродетелью, видя внутри себя столь лютую язву.

Размышление о предметах духовных и происходящая отсюда любовь к ним, особенно любовь к Господу и Спасителю нашему, к Его страданиям и Кресту, – также средство к ограждению чистоты духа и тела. «Целомудренный человек, – учит святой Иоанн Лествичник, – любовь любовью отражает и огонь телесный погашает духовным».

С другой стороны, ограждает целомудрие представление мук вечных и огня геенского. Этот огонь сам по себе будет жечь, а теперь может охлаждать и спасать от огня страстей, когда живо представляем его. Один подвижник, не довольствуясь представлением сего огня в уме своем, решил дать почувствовать предварительно жестокость его своему телу. «Ты побуждаешь меня ко греху, – сказал он, – посмотрим же, способно ли ты вынести муку, угрожающую за грехи!» и с сими словами положил перст руки на горящую свечу. Боль от огня угасила пламень плоти.

То самое, что возжигает плотское похотение, может быть с пользою употреблено, как врачевство против страсти. «Призывает ли тя, – вопрошает святой Димитрий Ростовский, – уязвлятися красотою лица тлеющая во гробе плоть? Итак, когда сия красота начнет уязвлять твое сердце живая, вообрази ее во гробе лежащую, безобразную, покрытую

тлением и смрадом, – и она потеряет силу влечь тебя».

Сими и подобными средствами должны мы ограждать себя, братие, от нападений плотских помыслов; должны, если то нужно, сражаться до крови, но исходить из брани победителями. Ибо победить непременно нужно, потому что Бог призвал нас, как учит апостол, *не на нечистоту, но во святость (1Сол. 4:7)*. *Ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи*, – утверждает он же, – *Царства Божия не наследуют (1Кор. 6:9)*. И поелику таковые люди любят обыкновенно обманывать самих себя тем, что их грех невелик, что они выполняют якобы только требование природы, что если вредят сколько-нибудь, то себе, а не другим, притом имеют нередко сердце мягкое, сострадательность к ближним и другие добрые качества, чем и успокаивают себя, равно как и милосердием Божиим; то апостол, имея в виду все сие, предваряет суд свой на прелюбодеев словом: *не льститесь!* Вы, как бы так говорил он, надеетесь, несмотря на свою плотскую нечистоту, при помощи некоторых добродетелей ваших, ускользнуть от гнева небесного, быть допущенными в чистое и святое Царствие Божие: нет, это жалкий обман и самообольщение – *не льститесь! ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи Царства Божия не наследуют*. Почему? Потому, что в него не может вникнуть *ничтоже скверно*. И приметьте, где апостол поставляет блудников и прелюбодеев? Вокруг идолослужителя, как бы сии пороки были одного и того же свойства. И они точно одинакового свойства: как идолослужитель прелюбодей, ибо сердце свое, которое должно быть посвящено одному Богу истинному, для Коего оно и создано, отдает идолу, и таким образом нарушает союз любви и верности; так и прелюбодей есть идолослужитель, ибо вместо Бога и Творца отдает сердце свое твари, делая из нее для себя кумир студный.

Будем же первее всего хранить в чистоте свое сердце, возлюбленные, дабы сохраненное от похоти сердце сохранило и плоть от нечистоты.

Не будем полагаться ни на какую твердость свою и чистоту. «Не верь, – говорит святой Лествичник, – брэнной своей плоти во всю свою жизнь и не надейся на воздержание ее, дбндеже не представишия Христу». Там только, где не будет более никакого врага, – на небе, у Христа и Господа нашего, можно будет предаться совершенному покою; а здесь, доколе живем, посреди сетей ходим, и потому должны непрестанно бодрствовать.

Что же, – спросит кто-либо, – делать тому, кто имел несчастье поработить себя плотской страсти и связан навьком греховным? – То же, возлюбленный, что делаем мы, будучи повержены в какую-либо глубокую и крутую пропасть: осмотрев свое положение, оградив себя Крестом

Христовым, призвав на помощь Бога и Ангела Хранителя, начать выходить из пропасти: карабкаться, если то нужно, руками и ногами, но восходить; засыпаться падающей землей и камнями, но восходить; чувствовать уязвление и боль во всех членах тела, но восходить; обрываться по временам и падать, но паки восходить. Когда будем поступать таким образом и употребим со своей стороны все, что можно, то будь уверен, в нас явятся сила и мужество непреодолимые; невидимая рука поддержит нас, а, вероятно, явится и видимая помощь, посланная от Того, Кто оставляет девяносто девять овец и ищет в горах единую – заблудшую. Аминь.

Слово в среду недели 4-й Великого поста

«Господи и Владыко живота моего, дух смиренномудрия даруй ми, рабу Твоему!»

Так многократно повторяем мы, если не устами, то мыслью, вместе со служителем алтаря. Но многие ли на самом деле желают стяжать прекрасную добродетель смиренномудрия? Увы, дух мира, дух явной или тайной гордыни и тщеславия, до того возобладал между самыми христианами, что добродетель смиренномудрия пришла едва не во всеобщее забвение, и если продолжает стоять в ряду добродетелей, то как редкость, бывшая когда-то в употреблении, а теперь пригодная разве только для некоторых особенных, так сказать, охотников до добродетели.

Между тем, какая добродетель любезнее для всех – смиренномудрия? – для всех, говорю, ибо Сам Господь свидетельствует о Себе: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих (Ис. 66:2)*. И мы сами не чувствуем ли особенного удовольствия, когда нам доводится иметь дело, или встретиться, с человеком истинно смиренномудрым, особенно когда он украшен способностями?

Для того, чтобы мы любили смирение и не думали, что оно может унижить нас, или помешать нам на пути жизни к нашему возвышению, сей добродетели прямо обещана награда, и именно возвышение; равно как за противоположный порок – гордости – прямо угрожается наказанием, и именно унижением: *всяк, – сказано, – возносяйся смирится; смиряяй же себе вознесетя (Лк. 18:14)*. И поелику это говорит Сам Бог, не ложный во всех словесах Своих, то опыт непрестанно подтверждает сказанное. Сколько гордецов низверженных, сколько смиренных – вознесенных!

Но нас ничто не трогает и не может привлечь к смирению, ни слово Божие, ни опыт. Гордиться, высокоумствовать, почитать себя лучше других, презирать подобных себе, искать первенства, отличий, – все это сделалось для нас как бы некоей необходимостью. Отчего? От незнания самих себя, от необращения внимания на свои недостатки. Кто знает хорошо самого себя, тот какими бы ни обладал талантами, всегда будет смиренномудр. Почему? Потому что, при всех совершенствах наших, в нас всегда есть множество недостатков, следовательно, и причин к смирению как естественных, так и от нас зависящих. И, приметьте: Творец премудрый, в ограждение нас от гордости, даруя кому-либо отличные в известном роде таланты, всегда почти отъемлет у такого человека способность на некоторые, самые обыкновенные вещи, или присоединяет

к талантам какой-либо видимый, осязательный недостаток. Так, например, люди, одаренные великим умом, часто не имеют никакого дара слова; изумляющие памятью бывают бедны рассудком; особенно красивые нередко близоруки или тупы. Самые совершенства наши, достигая скоро предела и встречая преграду, за которую нельзя прейти, должны вести нас к смиренномудрию. Ты, например, отличен умом высоким, познаниями обширными: так тебе же более и скорее, нежели кому другому, должно быть известно, что значит весь ум человеческий и все наши познания; как этот ум, говоря словами Соломона, с трудом обретает и то, что на земле, а того, что на небесах, что за пределами чувственного мира, ни познать сам собою, ни определить не может. Самая непрочность и бренность многих совершенств наших также постоянное побуждение к тому, чтобы не превозноситься. Ты одарена теперь здравием и красотой, кои побуждают тебя выситься перед другими, но долго ли продолжится эта свежесть лица, этот розовый цвет ланит и уст, этот, так называемый, небесный, а в самом деле нередко адский взгляд? Завтра придет болезнь – и все исчезло; послезавтра посетит печаль и горе – и все увяло; через несколько времени наступит преклонность лет – и ты станешь наряду со всеми. Не лучше ли же не отделяться гордостью от других теперь, когда это все поставят тебе в добродетель и заслугу?

Если за сим бросить хотя беглый взгляд на наши недостатки нравственные, вспомнить о вольных и невольных грехопадениях наших; то откроется неиссякаемый источник побуждений к смирению для всякого. Ибо сколько у каждого обязанностей не выполненных, или выполненных нерадиво! Сколько случаев к добру, опущенных неразумно, или употребленных на добро, но своекорыстно и только, отчасти! Сколько прямых и очевидных худых наклонностей и мрачных дел! Тем паче сколько порочных мыслей и чувств! Стоит только, хотя по временам, заглядывать в свое сердце, пересматривать свиток своих мыслей, чувств и деяний; и всяк увидит, как он еще мал духом и нечист сердцем, как далек от того, чем мог и должен быть.

Если кому-либо из нас по этим и многим другим причинам придет святое желание не только молиться устами о духе смиренномудрия, а и на самом деле стяжать сию боголюбезную добродетель, тот да ведает, что смиренномудрие есть такое состояние души, в коем она, познав всю слабость и нечистоту свою, бывает далеко от всякого высокого мнения о себе; постоянно старается раскрывать в себе все доброе, искоренять все злое, но никогда не почитает себя достигшей совершенства и ожидает его от благодати Божией, а не от собственных усилий. Человек

смирennemудрый всегда имеет некую святую недоверчивость к себе, к силам своего ума и воли: и потому осмотрителен, скромнен и тих во всех своих словах и действиях. Он никогда не позволит себе дерзких суждений, тем паче о лицах и предметах, кои выше его, тем паче о таинствах веры. Человек смирennemудрый особенно боится похвал и высоких достоинств: посему не только не ищет их, но рад, когда они ходят мимо него. Он охотно уступает другим первенство во всем, в самых делах благих. Но когда нужно подать пример, он первый. Смирennemудрый без огорчения, даже иногда с радостью встречает неудачи и огорчения; ибо знает цену и пользу их для своего внутреннего исправления. Потому он не памятозлюбив, всегда готов простить обидевшего и воздать ему за зло добром. Таковы очевидные признаки смирennemудрия! Оно любит скрывать свои добродетели; любит, напротив, обнаруживать свои недостатки, если то может быть без соблазна для ближнего.

У кого учиться смирennemудрию? Всего менее у мудрости земной. Разум по натуре своей, как замечает святой Павел, *кичит* (1Кор. 8:1), то есть надмевает и располагает к гордости и величанию; одна любовь чистая созидает, – смиряя; соединяя, утверждая. Всего лучше учиться добродетели смирennemудрия у святых Божиих человек, кои оставили нам величайшие образцы смирения, как, например, Авраам, который, удостоившись чрезвычайных откровений и великого названия другом Божиим, не престаивал называть себя землею и пеплом; святой Давид, коему ни сан царя, ни звание пророка, не воспрепятствовали сказать о себе: *аз есмь червь, а не человек, поношение человек* (Пс. 21:7); святой Павел, который, будучи первым из апостолов по трудам, смирненно исповедует, что он есть первый из грешников.

Но чтобы мы охотнее учились сей трудной для нашего самолюбия добродетели, то учителем смирennemудрия взялся быть для нас Сам Господь и Спаситель наш. *Научитесь*, – говорит Он, – *от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11:29). Какого не оставил Он нам урока, какого не подал примера в смирении? При самом вступлении в мир наш, Он, яко Владыка и Господь всяческих, мог бы окружить колыбель Свою, если не роскошью, то удобством; но где рождается Он? В вертепе. На чем возлегал Рожденный? В яслях. Се пример смирения для вас, богатые! Ирод воздвигает на Него лютое гонение, Его жизнь в опасности: а что бы послать против гонителя хотя единого из тех дванадцати легионов Ангел, кои готовы были всегда к исполнению Его велений? Но Он, гонимый, смирненно спасает жизнь Свою бегством во Египет. Се пример смирения для вас, сильные земли!

Иоанн исходит на Иордан проповедовать покаяние и совершает крещение во оставление грехов: тут ли место Тому, Кто не сотворил ни единого греха, и для того пришел на землю, чтобы истребить всякий грех правдою Своею? И что подумают, если безгрешный будет просить сего крещения и получит его? Но Господь просит крещения, и приемлет его смиренно от Своего Предтечи. Се пример смирения для вас, слишком дорожащих мнением о вас человеческим, и из опасения того, что подумают о вас, уклоняющихся от совершения дел благих! – А на Голгофе? Здесь уже не пример, а можно сказать, чудеса смирения, пред коими все наши подвиги и опыты в смирении суть ничто!

Итак, ищущая смирения душа, нет нужды нам с тобою много думать, кого избрать себе наставником и образцом смирения: им будет для нас Сам Господь и Спаситель наш. Для сего предадим себя Ему всецело, как малое дитя предается учителю, и будем слушать, что Он начнет внушать нам. Люди могут только учить и подавать советы; Он же и научит стократ лучше, и явит в Себе совершенный пример того, чему поучает, и подаст нам силы исполнить выученное на самом деле. Аминь.

Слово в пяток недели 4-й Великого поста

«Господи и Владыко живота моего, дух терпения даруй ми, рабу Твоему!»

К сему прошению не нужно много возбуждать просителей, ибо для кого излишен дух терпения? Все мы так или иначе – страдаем; у всех природа отвращается скорби и печалей; посему каждому нужен дух мужества и терпения, дабы не поникнуть под печалью, не предаться малодушию и ропоту.

Но где взять сего духа терпения? В собственном сердце? Ах, оно первое отрекается терпеть, бьется беспокойно при малом неудовольствии, ропщет и стонет от боли – при сильной напасти. В своем рассудке? Он готов, по временам, смотреть холодно на бедствия, но только по временам; и что из сего хладного взгляда? Новая туга в душе, новая тяжесть в сердце. У подобных себе людей? Но у каждого есть свое горе; притом люди способнее разделят с нами радости, нежели скорби, и, разделяя скорби наши, способнее с нами плакать, нежели осушать наши слезы. В обстоятельствах жизни? Из них-то более возникают наши огорчения, наши печали и бедствия; взгляд на мир человеческий самый слабый утешитель. В природе и ее стройном порядке? Но самая стройность ее и благолепие есть как бы укор нашей бедности. А притом, взор человека страждущего, минуя то отрадное и успокоительное, что есть в природе, останавливается обыкновенно на том, что в ней представляется мрачным и возмущающим; а мало ли такого?

Таким образом мысль человека скорбящего, как голубица Ноева, не находя нигде: ни внутри, ни вне себя – места для успокоения, естественно стремится к небу. Внутреннее, ничем не заглушимое, чувство говорит каждому, что там – горе, есть сила для укрепления всякой немощи, есть радость, способная изгнать всякую печаль, есть жизнь, которая вовсе не знает смерти и тления.

Что всего неожиданнее, – в минуту сильных огорчений и бед самый нераскаянный грешник, также подымлет иногда очи к небу и ожидает себе помощи и духа терпения. Но для чего? Дабы, собравшись с силами, снова устремиться к достижению тех же или подобных, незаконных и безумных замыслов! Можно ли пожелать таковому духа терпения? Нет, Господи, даждь им духа не терпения, а малодушия и отчаяния в исполнении незаконных замыслов, да уразумеют, что напрасно уклонились от закона Твоего, вотще мнили найти у мира и плоти то, что

обретается у Тебе единого. Отними у нас самих духа терпения, если мы будем употреблять его не на подвиги любви и благочестия, а на служение миру и страстям.

Молитву о терпении имеет право приносить тот, кто терпит за правду или для правды. «Господи и Владыко живота моего, дух терпения даруй рабу Твоему, – может сказать непостыдно человек, обремененный семейством и бедностью, – да не возропщу от тяжкого жребия моего, да возмогу трудами рук моих воспитать детей моих, да, томимый нуждою, не простру сих рук к обману и хищению». «Господи и Владыко живота моего, дух терпения даруй ми, – может непостыдно сказать человек, облеченный высокой властью и достоинством, – да возмогу проходить, как должно, великое служение мое, ничего не забывая и не оставляя, что служит ко благу общему, да понесу с благодушием всю тяжесть пререканий человеческих, да буду всем вся, не жалея ни сил, ни покоя моего, не смущаясь никакими трудностями и неудачами». «Господи и Владыко живота моего, дух терпения даруй рабу Твоему, – может сказать слуга, желающий служить господину своему по-христиански, – да возмогу без ропота переносить прихоти и жестокость моего владыки, да не соблазнусь худыми примерами роскоши и греха, коими окружен я, да не опущу никогда из виду той вечной награды, которую обещал Ты всем верным слугам в царствии Твоем». «Господи и Владыко живота моего, дух терпения даруй рабу Твоему», – может говорить самый последний из преступников, когда он, возненавидев прежний путь беззакония, испрашиваемый дар терпения решил употребить на благодушное перенесение заслуженного наказания, на побеждение в себе навыка ко греху, на очищение своей жизни и совести подвигами покаяния и благих дел.

Все таковые и им подобные да просят смело духа терпения и могут быть уверены, что им не будет отказано. Ибо если что угодно пред Господом и Владыкою живота нашего, то это наша готовность переносить страдания и искушения. Таковых Он никогда не оставит Своею помощью.

Но как же, – скажет кто-либо, – я давно страдаю жестоко, пламенно молюсь, вопию о помощи, прошу, по крайней мере, духа терпения, и не вижу его в себе, не чувствую никакой отрады и мужества? – Кто бы ни был, страждущий таким образом, да будет ведомо тебе, что Господь слышит молитву твою, видит скорбь твою, сострадает тебе, хранит тебя невидимо и уготовляет тебе венцы и награду. Ибо как бы Он мог не видеть твоих слез и не сострадать им? – Это значило бы для Него отказаться от собственного всеведения и самого существа Своего, которое есть любовь и

милосердие. – Почему же не подается тебе мужество и терпение? – Может быть, потому, что для тебя надежнее и полезнее состояние малодушия, нежели мужество, дабы ты, пройдя это искушение, познал все бессилие человеческой природы и возверг всю надежду свою единственно на Господа; может быть даже, что испрашиваемый дар подан уже тебе, и ты не видишь его только потому, что воображал получить его не в том виде, или не в той мере, как он тебе подан. В самом деле, если ты продолжаешь молиться и уповать, то в тебе уже есть, по крайней мере, начаток духа терпения. Ибо сей дух состоит не в том, чтобы не чувствовать своего бессилия и своих страданий, не плакать и не вопиять о помощи, не в том, чтобы не преклоняться под тяжестью бед и искушений и никогда не падать, а чтобы не пасть вовсе и не потерять веры и упования. В ободрение тебе на крестном пути твоём, мы можем и должны сказать тебе с апостолом одно, – что Господь никому и никогда не допускал и не допустит искувиться *паче, еже может понести, но со искушением* всегда творит *и избытие* (1Кор. 10:13).

«Но мне, – скажет иной, – уже ничего не осталось ожидать и желать, как только смерти». И что же, возлюбленный о Христе страдалец, если и смерти? Разве бы ты не умер, если б был самым первым счастливецом мира и когда бы все находилось в твоей власти? Смерть есть событие неизбежное для всех и каждого. Об одном должно заботиться всем, чтобы умереть о Господе, с истинным раскаянием во грехах и с верою в Испытателя. В таком случае смерть не потеря, а успокоение от трудов и скорбей. *Блажени мертвии, умирающие о Господе... ей, глаголет Дух, да почуют от трудов своих!* (Откр. 14:13).

«Но меня, – возразит страждущий, – смущает не собственная смерть, а мысль о том, что будет с моим семейством, с кем и как оно, бедное, останется?» – Останется с Тем, Кто именует Себя Отцом сирых и Заступником вдовиц, в деснице Коего все жребии человеческие, Кто трех отроков сохранил невредимыми в печи огненной, Кто из младенца, преданного волнам речным, воздвиг вождя народу израильскому и бога фараону. Что будет с твоим семейством? Будет то, чего мы с тобою не можем и знать, но что давно уже, от вечности, положено в совете Божиим, – будет то, что во всяком случае может послужить к истинному его благу. И семейство твое, конечно, будет страдать и терпеть; но сие терпение послужит оградою от соблазнов роскоши и, может быть, стократ вознаградится еще в этом мире. В самом деле, сколько примеров, что из семейств самых бедных и сиротствующих выходят люди самые прекрасные; между тем как там, где, по-видимому, все было употреблено

на воспитание и образование детей, являются члены семейства, служащие ему в печаль и укоризну.

Сими и подобными размышлениями, да подкрепляем себя, братие, на пути земных скорбей и лишений, воодушевляясь примером Самого Господа и Спасителя нашего, *Иже, вместо предлежащая Ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив, одесную же престола Божия седе* (Евр. 12:2), уготовляя венцы для всех истинных страдальцев. Аминь.

Слово в среду недели 5-й Великого поста

«Господи и Владыко живота моего, дух любви даруй ми, рабу Твоему!»

Даруй: ибо *еще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, бых (яко) медь звенящи, или кимвал звяцай.*

Даруй: ибо *еще имам пророчество, и вем тайны вся и весь разум, и еще имам всю веру, яко и горы преставляти, любви же не имам, ничтоже есмь!*

Даруй: ибо *еще раздам вся имена моя, и еще предам тело мое во еже сжещи е, любви же имам: ни кая польза ми есть (1Кор. 13:1–3).*

Так высоко ценит дар любви святой апостол Павел, у коего заимствовали мы слова сии. Он называет ее союзом или совокупностью всех совершенств; ставит ее не только превыше пророчеств, дара языков и знаний, но и выше самой веры и надежды: *больши же сих любы (1Кор. 13:13).* Иначе и нельзя ценить сию добродетель; ибо Сам Господь Бог наш, по свидетельству святого евангелиста, *любви есть, и только пребывая в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает (1Ин. 4:16).*

Но что это за любовь, так высоко ценимая? Очевидно, не та, что господствует в мире; ибо и мир исполнен любовью, но какую? *Все, еже в мире, – говорит тот же апостол, – есть похоть плотская... похоть очес, и гордость житейская (1Ин. 2:16).* Сия нечистая любовь не успокаивает, а раздражает, не созидает, а превращает; от сей любви рушится тишина и благо семейств; стонут веси и грады; льется иногда рекою кровь человеческая. Любовь сия хуже самой ненависти мирской: ибо ненависть заставляет быть осторожным и убегать сетей вражиих, а любовь плотская заставляет добровольно стремиться в пропасть.

Хотите ли знать свойства чистой любви христианской? – Нельзя лучше изобразить ее, как она изображена у святого апостола Павла. *Любы, – говорит он, – долготерпит, милосердствует: любы не завидит: любы не превозносится, не гордится, ни безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине: вся покрывает, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит, любы николиже отпадает (1Кор. 13:4–8).*

Очевидно, такой любви нет в мире. Были все мы созданы для сей святой любви и имели ее некогда, но не умели сохранить. Пришел дух злобы и возмущил адским дыханием своим поток любви в нашем сердце. С тех пор мы во вражде со всем миром и с самими собою. В самом деле, что

теперь любовь наша? Большею частью сокрытая ненависть. Если мы любим Самого Бога, то потому, что Он всемогущ, и мы опасаемся впасть в руки Его правосудия, – подвергнуться Его гневу и мукам вечным. Отнимите пламень ада, – и у многих угаснет любовь к Самому Богу. Что же это за любовь, которая имеет нужду возгреваться от пламени адского? – Если мы любим ближних, то потому, что они служат к нашей пользе и удовольствию; потому, что видим в них необходимые орудия для своего самолюбия, своих страстей и прихотей. В противном случае тотчас заступает место отвращение и даже ненависть, вражда и преследование. Что, наконец, выходит из любви нашей к самим себе, которая, по видимому, так беспредельна и неизменна? То, что мы, раболепствуя всю жизнь похотям и страстям своим, погибаем, наконец, телом и душою. Посему-то слово Божие не находит для нашего блага другого средства, как предписать нам вместо нечистой любви чистую ненависть к самим себе. Такова наша любовь!

Кроме сего злополучного превращения в нас дара любви, в сердце нашем есть другое, ужасное зло, – дух ненависти и злобы. Как мы ни скрываем этого пришельца из бездны, но он нередко проглядывает во многом, – в явной и тайной гордости, с коею небрежно презираем подобных себе и не терпим высших себя, – в постоянной зависти к малейшему совершенству ближних, особенно когда его нет в нас самих, – в некоем злорадстве при огорчениях и неудачах не только чуждых нам людей, но самых ближних и друзей наших. Пламень прирожденной злобы, в нас гнездящийся, хотя сокрывается во глубине духа, подобно огню подземному, производит нередко ужасные взрывы и потрясения, от коих превращаются дома, грады и целые царства. У него есть притом, как у огня подземного, постоянные отверстия на поверхности уст наших, в кои выходит чад из *студенца бездны* (Откр. 9:2), в виде слов бранных и зловонных. Вместе с сим чадом извергаются, как камни из гор огнедышащих, брани и ссоры нередко за самые ничтожные и пустые вещи, – распри и ненависти между такими лицами, кои связаны всем, что природа и дружество имеют у себя самого крепкого. Наконец, как огненная лава, текут обманы наглые, явные хищничества, жестокости и убийства, особенно во времена браней и междоусобий.

Взирая с сей стороны на мир человеческий, ощущая вокруг себя бурное дыхание злобы и ненависти, усматривая в собственном сердце николиже оскудевающий источник злобы и лукавства, кто не почувствует нужды возвесть очи к небу и вместе с святым Ефремом воззвать: «Господи и Владыко живота моего, дух любви даруй ми, рабу Твоему! Даруй, да не

увлекусь всемирным потоком самолюбия и зависти, да возмогу любить всех, кого Ты любишь, любить так, как Ты любишь, не тою мирскою любовью, которая во всем ищет своих си, а любовью возлюбленного Сына Твоего, которая готова положить душу за братию, тем паче умеет сносить все недостатки ближнего и оскорбления, готова прощать и любить самых врагов Своих!»

Но, ожидая и испрашивая таким образом огня чистой любви свыше, мы, братие, и сами не должны оставаться в бездействии, а уготовлять души и сердца свои, как светильники, к тому, чтобы огонь небесный, сошед на них от Духа Святаго, мог удобно воспламенить их. В чем должно состоять сие приготовление? После молитвы, всего более в размышлении о любви Божией и о том блаженном союзе, коим во Христе связаны неразрывно все потомки Адамовы.

В самом деле, Отец Небесный объемлет Своей любовью всех человеков; Он сияет солнце свое равно на праведные и неправедные; мы именуемся и хотим быть чадами Его: если именуемся не напрасно, если хотим быть чадами не на словах токмо, а и на самом деле, то как ненавидеть тех, коих любит общий Отец наш?

Единородный Сын Божий, возлюбленный Спаситель наш, пришел на землю и умер для спасения всех; любовь Его к бедным грешникам не отвергает никого: ни мытаря, ни прелюбодеев; Он подал прощение со Креста самым распинателям Своим и молился за них. Мы сознаем себя грешниками; хотим, чтобы грехи наши были очищены Его Кровью, прикрыты Его заслугами: услышится ли наша молитва о сем, подастся ли нам прощение во грехах наших, если мы не будем подражать великодушию и любви нашего Искупителя, не отпустим долгов ближним нашим, кои, в сравнении с нашими долгами, составляют такую малость?

Дух Святой, Коим знаменовались мы в купели крещения и от Коего получили обручение живота вечного, положил драгоценное, неизгладимое знамение Свое не на одних нас и не на одних тех, кои любезны нам, но на всех и каждом; Он силен из Савла соделать Павла, из мытаря – евангелиста, из разбойника, на кресте висящего, – наследника рая; будем ли мы после сего смотреть на кого-либо, как на отверженного, лишать совершенно любви своей того, кто не лишен знаменья и любви Духа Святаго?

И к чему стремимся мы? К наследию царствия небесного, в которое не может вникти никакая злоба и ненависть. Посему, если бы кто-либо из ближних наших и заслуживал своею нечистотою наш гнев, то мы не должны питать к нему ненависть из любви к нам самим, дабы сия

ненависть, как вещь запрещенная, не помешала нам войти в царство любви и мира.

Подобными размышлениями, братие, должны мы разогревать хладное сердце свое для любви к ближним, и таким образом приуготовлять его для принятия огня любви небесной от Самого Духа Святаго, твердо памятуя, что доколе сей огонь не низойдет на нас, душа наша может теплеть, разгорячаться, даже дымиться, так сказать, любовью; но никогда не произведет из самой себя чистого, постоянного и неугасающего пламени любви Христовой. Аминь.

Слово в пяток недели 5-й Великого поста

«Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков!»

Что бы, казалось легче и естественнее для человека, как зреть собственные свои прегрешения? – Но, видно, это не собственность наша, а дар, и дар немалый, когда его просит для себя и такой великий подвижник, как святой Ефрем. Подлинно, сей дар нисходит только свыше, и весьма нужен для всех и каждого.

Во всех нас есть какое-то непостижимое отвращение от того, чтобы зреть свои прегрешения. Может быть, это знак, что грех не свойствен природе нашей; но во всяком случае это крайне пагубно для нас: ибо как я займусь исправлением своей жизни, если не знаю, что во мне худого и в чем состоят грехи мои? – О сем-то, однако же, познании менее всего заботятся. Тут оставляет человека даже врожденное ему любопытство, так что вы найдете множество людей, кои, подобно Соломону, пересмотрели все от кедра до иссопа, и ни разу не рассматривали самих себя хотя столько, как они рассматривают какое-либо насекомое или травку. Судя по сему, можно бы даже подумать, что человек ненавидит себя и потому не хочет знать.

Между тем, он любит себя более всего, и во всем ищет только себя, все относит к себе, видимо, непрестанно занимается собою, но рассматривать свой характер и поведение, свое сердце и совесть, к этому нет у человека охоты; в сем отношении он готов заняться чем угодно, только не самим собой; готов дни и недели проводить над разбиранием самых маловажных вещей, только бы не быть принужденным беседовать с своею совестью.

В самом деле, много ли употребляем мы времени на испытание своей совести даже пред исповедью, когда нужно бывает дать пред служителем алтаря, или иначе пред самим Спасителем нашим, отчет о нашем поведении, и выслушать приговор с разрешением или осуждением нас на всю вечность? – Много, если употребляем на сие важнейшее дело несколько часов. А сколько часов, дней, недель и месяцев употребляется нами на предметы самые неважные для души и совести, на мелкие счета и отчеты по хозяйству, на рассмотрение какой-либо книги или древности, на составление плана для каких-либо увеселений, на продажу или покупку нескольких животных?

Напрасно слово Божие непрестанно повторяет нам, что душа наша

бесконечно важнее тела, и что если погубим душу, то ничто не поможет, хотя бы приобрели целый мир; напрасно пастыри и учителя Церкви внушают нам, что не надобно пренебрегать греховных ран сердца, что они, составленные без внимания, соделаются неисцелимыми и причинят смерть душе; напрасно внутренний человек наш, брошенный без помощи, подымлет иногда главу и стопами своими напоминает нам, что внутри нас смерть и пагуба: мы глухи и слепы ко всем сим внушениям и указаниям; бросив беглый взгляд на мрачную картину своего бытия, поправив в ней иногда некоторые черты, слишком уродливые, тотчас закрываем ее от самих себя завесою забвения. Кто же после сего может возбудить нас от пагубного нечувствия и невнимания к самим себе, если Сам Господь не придет к нам и не коснется сердца нашего своею всемогущею благодатью?

Но сию благодать надобно испросить усердной молитвой, без чего она, если и придет к нам, то не найдет себе у нас входа и места. Посему-то человек, начинающий ощущать нужду в познании нечистоты и грехов своих, должен как можно чаще обращаться с молитвой ко Господу и вопиять из глубины души: «Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения!» Сними с умственных очей моих бельмо самолюбия, да вижу всю черноту моих преступных деяний; направь Сам душевное мое зрение на мою совесть, да не скользит оно и не рассеивается по предметам для меня чуждым, хотя и обольстительным! – Ибо что пользы, если я буду знать все, а не познаю самого себя? Что пользы, если я совершу дела великие и громкие, коим будет дивиться свет, а не исправлю себя для вечности? – Пусть лучше останется для меня в неизвестности все, что происходит в свете, как падают и возвышаются царства, но да не останется неведомым то, что совершается в моем сердце и совести, как падаю и как должен восставать от падения я сам.

При пагубной невнимательности к себе и состоянию души своей, в человеке есть другая крайность – несчастная склонность к осуждению своих ближних. Не говорим уже о слабом поле, у коего склонность к пересудам ближних делается нередко господствующей страстью: самые мужи, от коих ожидалось примеров совершенно противоположного, и они, наряду с немощными сосудами, раболепствуют сему недугу. И откуда берется в сем отношении дальнорительность у самых близоруких умов! Откуда сметливость и тонкая сообразительность у самых косных на все прочие суждения! Откуда неутомимость в исследовании чужих дел и намерений у самых недеятельных!

И здесь также в людях не без странного противоречия. Облеките сих

самозванных судей и пересудчиков обязанностью судить грехопадения ближних по законам: они скоро потеряют терпение и будут тяготиться своей должностью, показывать небрежность в ее выполнении, хотя это вредно для блага общественного. А без обязанности, дома, в праздной беседе, сии же люди всегда готовы не утомляясь судить и пересуждать весь свет.

Сама добродетель и порок не производят в нас, в отношении склонности осуждать ближнего, почти никакого различия. Человеку набожному, например, вовсе неприлично заниматься не только осуждением, но и суждением о грехопадениях своих ближних; ибо если кто, то работающий Господеви, должен знать, что *имже судом* судит человек ближнего, себе осуждает (Мф. 7:2). Но многие ли из людей набожных совершенно свободны от несчастной склонности осуждать при каждом случае ближнего?

У некоторых, напротив, набожность служит как бы вместо признанного всеми права видеть и указывать сучец, находящийся в очию брата. Подобное с людьми явно порочными и обезглавленными. Собственные грехи и чернота должны бы навсегда запечатлеть им уста и заставить смотреть долу. Но они-то первые готовы кричать на весь свет о том, что заметят в вас, прибавляя от собственного запаса зла то, чего недостает к худости вашего поступка.

После сего неудивительно, если истинно добрый христианин, чувствуя наряду с другими в падшей природе своей склонность к осуждению ближнего, и видя невозможность самому себе всегда удерживать язык от злоречия, обращается с молитвой ко Господу о том, чтобы ему дарована была благодать – «зрети своя прегрешения и не осуждати брата своего!» Довольно, Господи, с меня моих собственных грехов и язв внутренних, кои еще не осмотрены, не исчислены, остаются без уврачевания и со дня на день делаются глубже и неисцельнее; а до грехов чуждых, коль скоро согрешающие не зависят от меня, какая мне нужда? Есть у них свой судья и вместе врач, твоя правда и твоя любовь. Стоят ли они? Тебе, своему Господу, стоят. Падают ли? Тебе, своему Господу, падают. И Ты всегда силен восставить их (ср. Рим. 14:4). Сколько грешников посредством покаяния соделались людьми святыми!

Может быть, и осуждаемые мною уже престали от греха, давно начали свое покаяние и оправданы благодатью Твоею: а я буду продолжать преследовать их злоречием и, подобно диаволу, клеветать на них, теперь уже невинных и оправданных Тобою! – Да сохранит меня от сего благодать Твоя, и да подаст, вместо осуждения ближнего, «зрети моя

прегрешения», зреть не хладным оком чуждого зрителя, а как взирают на свою нищету, на свои раны, на собственную смерть, зреть и плакать о зримом, зреть и врачевать гнилость души, зреть и употреблять все средства не впадать в новые грехи и в новую пагубу!

Если бы кто за сим спросил: какое надежнейшее средство к тому, чтобы, при помощи благодати Божией, приучить себя зреть свои прегрешения: тому скажем, что лучшее средство принудить себя к тому (с намерением говорим – **принудить**: ибо без принуждения и всякое благое дело, тем паче сие, никогда не совершится) состоит в том, чтобы назначить известное, хотя краткое, время именно на рассматривание своих поступков и чувств, назначить так, чтобы оно не было уже употребляемо ни на что другое.

Таким образом мы поставим себя в необходимость заниматься самими собою; а занимаясь постоянно, если не вдруг, то с продолжением времени, непременно узнаем, каковы мы, какая в нас господствующая страсть, чем недугует наш ум и сердце. Совет сей может показаться неисполнимым для тех, кои не вправе располагать своим временем. Но, во-первых, нет человека, у коего бы вовсе не было своего времени; а здесь его немного и нужно; во-вторых, если не можешь располагать временем, то располагай мыслями: этого никто не может отнять у тебя. Ты, например, слуга, должен всякий час быть готов исполнять приказания господина; но, среди самого исполнения их, у тебя есть немало возможностей обратить мысль на самого себя, на свою жизнь, на свои грехи. Сим святым занятием наполнялось бы даже у тебя множество праздных промежутков времени, в которые ты не знаешь что делать, скучаешь, предаешься злоречию или еще худшему.

Как приучить себя, с другой стороны, не осуждать брата своего, то есть, всякого ближнего? – Во-первых, смотри всегда на согрешающего собрата как на больного; потому что грех есть действительно болезнь, худшая всех болезней. При таком взгляде страсть к осуждению непременно будет хладеть и гаснуть. Ибо осуждаем ли мы больного, кто бы он ни был? Нет, мы чувствуем к нему невольное сострадание. Во-вторых, должно поставить себя за правило, увидев что-либо худое в ближнем или услышав о том, тотчас мысленно помолиться за него. Это каждому и завсегда весьма легко делать; и между тем, это сильнейшее средство против духа осуждения, который не терпит молитвы и бежит от нее.

Когда мы будем таким образом сами делать свое дело по силам, будем приучать себя к тому, чтобы смотреть на свои падения, а не на грехи

ближнего: то Господь подаст нам и благодать Свою, с которой нам можно будет достигнуть того вожделенного состояния, в коем знают только себя и свои грехи, и не ведают, есть ли в мире хотя один подобный грешник. Аминь.

Слово в среду недели 6-й Великого поста

Кончилась, братие, молитва святого Ефрема. Окончатся и наши собеседования о ней. Ужели кончится вместе с ними и дух молитвы и собеседований? – Да не будет! – Ибо если так, то напрасно проведено здесь время; напрасно и мы выходили пред вами и расточали мысли и слова наши; напрасно и вы собирались в таком множестве, стояли немалое время в такой тесноте, следуя за нами взорами и мыслью вашей. Но если виденное нами в вас во время святого поста, может служить порукой за будущее: то мы вправе иметь не столь печальные надежды. Ибо что мы видели? Постоянное, усердное расположение к Святой Церкви и слушанию поучений; видели глубокое благоговение к предметам священным и внимание к делу своего спасения; слышали частые вздохи при напоминании о грехах, были не раз свидетелями даже слез ваших. Возможно ли, чтобы все это рассеялось и исчезло, не оставив следа? Не наших каких-либо трудов жаль нам было бы при сем, братие. Много ли мы трудились, и не вознаграждает ли подобный труд сам себя? Нет, нам жаль было бы в таком случае вас и душ ваших. Ибо, если бы хождение в церковь и слушание поучений, продолжавшиеся столько времени, не оставили по себе никакого следа в наших нравах и жизни; то это значило бы, что сердца наши подобно камням, на коих, что ни сей, не дождешься никакого плода, на коих, если что и всходит, то, не имея углубления в корне, скоро иссыхает потом – бесплодно. Это значило бы, что мы находимся в глубоком ослеплении и безжалостно обманываем самих себя: ибо когда наступит время поста, притихаем во зле, оставляем угождения плоти и рабства страстям, обращаемся, по-видимому, к Богу; а когда пройдет пост и снова предстанет мир с его отравой, то бежим стремглав к сему врагу, пьем до дна подносимую нам отраву, отдаем ему в жертву то, что успели приобрести доброго.

Какого же плода, спросите, ты требуешь от нас, и что хочешь, чтобы произвели в нас беседы твои? Не наши беседы, возлюбленные. Если бы мы надеялись на свое слово и свой ум, то никогда бы не решились разверзть пред вами уст своих. Но мы уверены, что с нами, на сем месте, всегда невидимо Тот, Кто избрал нас недостойных в дело служения и поручил нам слово спасения (2Кор. 5:19), Кто дает, когда нужно, уста и мудрость самым буим мира, Кто словом Своим может воздвигнуть от камня чада Аврааму и из самого ожесточенного грешника соделать сосуд в честь. В нас есть уверенность, что когда мы совершаем священнодействие

благовествования Христова и оглашаем своими словами слух ваш, в то же время действует над сердцами вашими благодать Духа Святаго, Того общего всех нас Наставника, Который посредством рыбарей и мытарей обратил из тьмы в свет, из области сатаны к Богу – целую вселенную, который может тронуть не только самое закоснелое во грехе сердце, но и пременить его на сердце новое, чистое и святое. При таких великих и всемогущих действователях почему не ожидать самых чудес обращения? – В самом деле, разве рука Господня сократилась? Разве у Спасителя не осталось для нас крови очистительной, а у Духа – огня просвещающего? – Не мните же, что вы не обязаны ни к чему важному потому, что слушали человека, вам подобного. Пусть человек сей будет далек от совершенства, пусть будет самым последним из грешников; но он вещал вам о имени Господнем, вещал не от себя, а от лица Спасителя вашего; вместе с ним действовал на вас сам Дух истины и благодати. Пренебречь таким действием – значит забыть о спасении души своей.

Не забывайте же сего, возлюбленные! Не будьте подобны человеку, который, посмотревшись в зеркало и увидев лицо свое и черные пятна на нем, вместо того, чтобы тотчас умыться, отошел и забыл, что видел и что надобно ему было сделать.

Изъяснимся прямее. Пред вами, по мере сил наших, изображены пороки, кои безобразят душу нашу, и коих потому всемерно надобно избегать христианину; изображены и добродетели, кои могут украсить все существо наше, и кои по тому самому надобно, во что бы то ни было, стяжать и хранить до конца жизни. Быть не может, чтобы не только наше слово, но и собственная совесть ваша не говорила вам, что и в вас, как и в прочих людях, есть сии пороки и немалый недостаток в сих добродетелях. Не должно ли после сего, – если мы не почитаем за ничто и пороков и добродетелей, – принять все возможные меры к искоренению в нас первых и к насаждению и укреплению последних? – Итак, кто любил доселе празднословить и кощунствовать, да научится отселе полагать словам своим вес и устам затвору. Кто любил предаваться праздности и губил драгоценное время в забавах, да изыщет полезное, сродное своему состоянию и способностям, занятие. Кто увлекался слепо мечтами честолюбия, да возлюбит смирение и престанет гоняться за призраком хвалы мирской. Кто привык встречающиеся в жизни искушения сретать ропотом и жалобами на свою судьбу, да встречает их отселе преданностью в волю Божию, яко врачевство полезное для души. Кто был в отношении к другим суров, жесток и нелюбовен, да примет противный образ обхождения и действий. Кто забывал свои грехи и любил смотреть на

чужие недостатки, да престанет видеть сучец в очесе брата и да научится извлекать бревно из собственного глаза.

Когда последует такая перемена с нами, тогда можно будет сказать, что настоящий святой пост прошел для нас не без пользы, что мы не напрасно посещали храм, не напрасно слушали поучения. Тогда и мы возблагодарим Господа, что благодать Его удостоила нас послужить делу вашего спасения. А доколе не произойдет сего, то и окончив, по-видимому, дело, мы с вами стоим еще на распутьи между успехом и неудачей, между потерей и приобретением. Стоят, без сомнения, и светоносные духи добродетелей и мрачные духи пороков, и ожидают теперь, к кому из них мы обратим лицо свое, за кем пойдём вслед. Не заставим же, братие, их в недоумении долго взирать на нас. Что медлить? В чем сомневаться? Пойдем за Ангелами Божиими путем любезных им добродетелей в Царствие Божие, дабы, окружая нас и сопутствуя нам в продолжение жизни нашей, они явились к нам и при исходе из тела души нашей и сопроводили нас на лоно Авраамле. Отвратимся однажды и навсегда от темных ангелов греха и пороков, извергнем из души и сердца своего, через покаяние и исповедь, все, что занято от них богопротивного и душевредного, дабы в противном случае они не предстали у смертного одра нашего и не повлекли бедную душу нашу, как свою собственность, в глубины адовы.

Господь, давший силу немощи нашей возвестить вам путь истины и правды, да дарует и вам хотение и силу вступить на сей путь с бодростью и шествовать по нему без преткновения. О сем не престанем молить Его благость выну, доколе не оскудеет слово во устах наших. Аминь.

Содержание

Слова о молитве Ефрема Сирина святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический	1
Слово в среду недели 1-й Великого поста	2
Слово в пяток недели 1-й Великого поста	7
Слово в среду недели 2-й Великого поста	11
Слово в пяток недели 2-й Великого поста	16
Слово в среду недели 3-й Великого поста	21
Слово в пяток недели 3-й Великого поста	25
Слово в среду недели 4-й Великого поста	29
Слово в пяток недели 4-й Великого поста	33
Слово в среду недели 5-й Великого поста	37
Слово в пяток недели 5-й Великого поста	41
Слово в среду недели 6-й Великого поста	46